

**Записка П. В. Никитина по вопросу об исключении
из состава Императорской Академии наук
подданных воюющих с Россией держав**

В том представлении министра внутренних дел, которое изложено в самом начале Особого журнала Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений», необходимость исключения обосновывается недопустимостью участия подданных враждебных России государств в деятельности русских организаций и установлений.

Участие в деятельности Императорской Академии наук составляет право и обязанность действительных ее членов. Один из них состоит в подданстве державы, воюющей с Россией. Это — знаменитый славист, академик Ягич. Но он не подлежит исключению, так как в том же журнале Совета оговорено, что лица славянского, французского и итальянского происхождения не исключаются.

Почетные члены и члены-корреспонденты Академии в ее деятельности не участвуют, а потому — надо думать — устанавливаемая Особым журналом мера не имеет их в виду, и Академия может обращаться к ним, как и к другим ученым людям, за справками по их специальности или с просьбами о содействии тому или другому из ее предприятий. Но, само собой разумеется, с того времени, как началась война, Академия не имеет никаких сношений с теми из своих почетных членов и членов-корреспондентов, которые состоят в подданстве враждующих с Россией держав. Звание члена-корреспондента служит выражением того, что академия высоко ценит ученую деятельность того, кому она это звание предоставляет. То же существенное значение имеет и звание почетного члена, когда оно предоставляется деятелям науки. Возводя в эти звания того или другого из выдающихся иностранных ученых, Академия нередко руководится и чувством благодарности за услуги, оказанные или ей самой исполнением ее поручений, или вообще русской науке. Во всяком случае предоставление этих почетных званий выражается такое признание наличности известных фактов, известных достоинств и заслуг, которое, раз состоявшись, не поддается отмене. Одна из газет, обвиняющих Академию в германофильстве, потрудилась дать список почетных членов и членов-корреспондентов Академии, которые, как неприятельские подданные, подлежат будто бы исключению. Во главе этого проскрипционного списка поставлено славное имя Эдуарда Зюсса. При известных свойствах ума и сердца нетрудно быть беспощадным к тем, о ком не имеешь никакого представления. Так, кто не

знает, что Зюсс умер за три месяца до начала войны, не знает, очевидно, и того, что это был величайший из геологов нашего времени, — не знает и того, что Зюсс, восхищавшийся успехами русской геологии, многих из них первый сделал известными европейским ученым, что некоторые русские работы лишь после указаний Зюсса были вполне оценены и поняты соотечественниками.

Предполагается, что он жив еще и что Академия, вняв внушениям фельетонной мудрости, решила бы исключить из своих списков имя, украшавшее их в продолжение 26 лет. Какой бы смысл имело исключение? Что оно значило? То, что Зюсс перестал быть таким ученым, каким считала его Академия, или то, что она 26 лет заблуждалась? И чем выразилось бы исключение? Тем, что в памятных книжках Академии, которые будут печататься после войны, имя Зюсса не встречалось бы? Но ведь оно все-таки навсегда останется в тех, которые напечатаны в течение двадцатипятилетия, предшествующего войне, останется в актах в истории Академии. Конечно, несмотря на все это, исключенный, узнав об исключении, был бы огорчен и оскорблен. Ужели к этой цели и должна стремиться Академия? Ужели иностранные ученые, особенно высоко ею оцененные, по тому самому должны подвергнуться оскорблению, которое не коснется других ученых, принадлежащих тем же неприятельским странам, но менее значительных и потому не имевших несчастья попасть в списки Академии? Может быть, исключение представляется желательным как один из примеров того единодушия, с которым вся Россия сознает невозможность примирения с ее врагами до полного их поражения? Но для этого есть другие способы выражения, которыми Академия пользовалась и, где сомнения, еще много раз будет пользоваться, следуя велениям собственного патриотического чувства, а не подсказкам со стороны и не впадая в немалое смешение науки с политикой.

Если бы по каким-нибудь соображениям было решено, что почетные члены и члены-корреспонденты, принадлежащие к числу неприятельских подданных, подлежат за указанными в Журнале Совета министров изъятиями исключению, то для полного и последовательного проведения этой меры потребовались бы такие точные сведения о подданстве и национальности лиц этих двух категорий, какими Академия не располагает.

Избирая в почетные звания за ученые заслуги, Академия не собирает справок о таких подробностях биографии избираемых, которые прямого отношения к этим заслугам не имеют. Поэтому она не могла бы, например, решить, должен ли быть исключен из списка ее почетных членов, как австрийский подданный, или может оставаться в этом списке, как славянин по происхождению, член Венской Академии, уроженец Моравии, Густав

фон Чермак. Член-корреспондент Академии, очень известный химик, Густав Андреевич Тамман родился в России, преподавал в бывшем Дерптском, нынешнем Юрьевском университете и был, надо думать, русским подданным, владея русским языком, он не переставал быть деятельным участником съездов русских химиков и после того, как получил профессию в Геттингене, но продолжает ли оставаться в русском подданстве, или принял германское, Академия не знает. Не могла бы она с уверенностью считать германскими подданными и таких своих членов-корреспондентов, как родившегося в Дерпте и долго служившего там профессора, а потом переселившегося в Лейпциг Артура Александровича фон Эттингена. Известный Китаист Фр. Гирт родился в Германии, но, возможно, что, если бы Академия, сочтя его за германского подданного, исключила его из списка своих членов-корреспондентов, то нанесла бы в его лице оскорбление гражданину США, так как известно, что в последние годы Гирт был профессором в Нью-Йорке. Составитель того проскрипционного списка, о котором выше упомянуто, обрек между прочим на исключение двух человек, из которых один проживает в Гронингене, а другой в Утрехте. Может быть, со своей точки зрения, он и прав, может быть, ему известно, что астроном Каптеун и ориенталист Керн, хотя действуют в Голландии, состоят в германском, австрийском, венгерском или турецком подданстве.

Трудно представить себе, чтобы, отняв у двух-трех десятков ученых людей звания, не соединенные ни с какими действительными правами, мы уменьшили хотя бы на одно ружье силы наших врагов; а между тем несомненно, что впоследствии, по прекращении войны, эта мера вредно отозвалась бы на положении русской науки, особенно, если бы принята была бы без соглашения с учеными и высшими учебными учреждениями Англии и Франции. Насколько до сих пор известно, англичане исключили из своих рядов только тех немцев, которые сами прислали отказы от предоставленных им в Англии почетных званий; а во Франции одна из пяти Академий Института, именно Академия художеств, прибегла к поголовному исключению неприятельских подданных, но другие академии не пожелали последовать этому примеру и к исключениям не прибегали. Если это так и если наши союзники до конца войны будут держаться такого образа действий, а русские ученые поступят подобно французским художникам, причем, конечно, должны будут отказаться от почетных званий, предоставленных им учреждениями германскими и австрийскими, то по установлении мира пользование средствами международного сотрудничества соединено будет для русской науки с такими затруднениями, какие не будут испытывать научные деятели наших союзников. А между тем значение международного сотрудничества для успехов науки, так быстро в после-

дни года нараставшее, должно бы еще более развиться после войны, когда окончательно будет положен предел тем гегемоническим вожделениям и приемам, которые, не довольствуясь областью политики, давали себя чувствовать и в делах научных».

ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 14–16 об.

**[Заметки к Платону. По поводу статьи Н. А. Морозова
«Лингвистические спектры»¹³ (фрагмент)]**

Plat. Conv. 189 E.

ὄλον ἦν ἑκάστων τοῦ ἀνθρώπου τὸ εἶδος στρογγύλον, ἄτον καὶ πλευρὰς κύκλῳ ἔχον, χεῖρας δὲ τέτταρας εἶχε, καὶ σκέλη τὰ ἴσα ταῖς χερσὶ, καὶ πρόσωπα δὴ ἐπ' ἀντιθέτῳ κυκλοτερεῖ ὁμοίως (про ὁμοία) πάντη.

(л.1) Эти строки принадлежат речи, вложенной в уста Аристофана. Идея речи: любовное влечение одного человеческого существа к другому является потому, что всякое человеческое существо, взятое в отдельности, есть только часть целого, ищущая себе дополнения в другой части. В устах комического поэта идея принимает формы мифа, который, по-видимому, пародирует свойственное орфическим космогониям сочетание глубокомыслия с реалистической грубостью символической его оболочки. По этому мифу первоначально человеческая природа была вдвое сложнее, чем теперь: человеческий организм имел при одной голове два, обращенных в противоположные стороны лица, четыре уха, четыре руки, четыре ноги, два также обращенных в противоположные стороны αἰδοῖα. Испугавшись (л. 2) силы и дерзкой предприимчивости этих существ, Зевс рассек каждое из них надвое продольным сечением. Лицо и шею создавшихся таким образом существ Аполлон поворачивал в сторону плоскости сечения, чтобы человек смирялся, созерцая свою усеченность. Но каждое из этих существ, помня прежнюю целостность организма, половиной которого некогда было, стремилось срастись с другой половиной, и в истоме неудовлетворенного стремления они погибали. Зевс сжалился над ними и предпринял последнее преобразование человеческого организма: переместил еще некоторые органы ближе к плоскости сечения, т. е. к той стороне туловища, которая теперь была переднею. Благодаря этому перемещению (л. 3) удовлетвори-

¹³ [Морозов Н. А. Лингвистические спектры // Известия ОРЯС Имп. Академии наук. 1915. Т. 20. Кн. 4. С. 93–134. В этой работе была предпринята попытка путем статистического анализа распределения характерных слов и частиц в произведении какого-либо автора отыскать средство для отличия плагиата от истинного авторства. Анализу работы Морозова посвятил отдельную статью академик А. А. Марков, в которой провел аналогичные подсчеты и пришел к выводам, опровергавшим заключения Морозова: *Марков А. А.* Об одном применении статистического метода // Известия имп. Академии наук. 1916. Сер. 6. Т. 10. № 4. С. 239–242.]